

{numeration}

Были у мужицька три сына. Два при отце жили, а третьей ходил по цюжой стороне. Ну, вот ён через год — через два домой возвратилсы. Ну отець ему и говорит: «Топерь вы окопились все, я вас и разделю топерь.» Ну, вот всем разложил по части и ему часть даёт. А он и говорит: «Мне не надо, тятенька, доли — ни земли, ни скота! Благослови меня только! Я поеду по цюжой стороне ходить». Ён ево благословил и сказал: «Возьми, дитя, сто рублей! Пойдѣшь только дорогой, в сторону не заходи; пойдѣшь в город, как исть ни захочешь, не ходи туда, куда станут звать, а иди туда, куда не приглашают». — «Ланно!»

Ён и отправилсы в путь-дорожиньку. Вот шёл ён, много ли мало ли места шёл, видит: два человека сидят. Цитают деньги двое, а на три грудки раскладывают. Ён подумал, подумал: «Отець, не велел заходить в сторону, а я давай зайду, посмотрю, што они делают!» Вот вошёл и говорит: «Бог помощь, добрые люди! Што вы тут делаете?» — «А вот, говорит, деньги цитаем!» — «Што же вы, говорит, двое, а деньги кладите на три грудки?» — «Две грудки нам с братом двоим, а третья на цясливого. Вот ты подошел, ты и цясливой — обирай деньги!» Ну, вот ён обрал третью грудку — сто рублей в грудке; обрал и отправилсы в путь-дорогу. Вот попошёл немножко, цюет, сзади бегут два целовека. «Стой, мужик, говорят, давай деньги!» Ён их сразу узнал, што они цитали деньги. «Што вы, говорит, какие у меня деньги? Вы сами мне, говорит, дали!» — «Сказано, што давай!» Сейчас ево разболокли, свои деньги взяли и которые отец дал. Вот эти люди отстали от него.

Ён встал, пошёл своей дорогой. Дошёл до города. Идѣт городом. Видит: высокой, хорошей купецькой дом. На мосту стоит старушка и зовѣт: «Зайди, милый целовек, покушай хлеба-соли! Отдохнёшь и опять поедешь». А ему очень есть захотелось, невтерпѣж. «Дай, говорит, зайду! Где ещё там покормят, а тут сразу накормят!» Ён и зашёл. Старушка ево всячиной накормила, напоила. «Отправляйсы, добрый целовек, теперь спать!» Отворила ему двери, ево туда и отправила. Она ево пихнула и двери заперла. Ево одново оставила. Помещенье тёмное, холодное, пустое, негде поместить. Этот народ, который ево догонял и деньги обирал, — сыновья этой старухи. Вот оне и приходят все домой. Отець с одной стороны и оне с другой, с добыцей тоже. Старуха и спрашивает: «Ну, как, говорит, севодня, хороша ли добыця?» — «Да ницево, говорят, со́тенок пяток вы́борошили севодня!» А ён там всё слышит в этой комнате. Ёна и говорит им: «У меня ешшо заперт ёдин, может быть, и с деньгам!» Вот оне поужинали, чаю напились и спать улегли. Вот ён цюет, што все уснули крепким сном. Вот ён поглядел — на полу шшит. Вот ён подыну́л этот шшит и туды опустилсы. Вот ён опустилсы в это подпольѣ, а там целое подпольѣ телов мёртвых лёжит. Вот ён думает: «Не в хорошее место зашёл! Правду отець говорил — не заходить!» Вот эта-то старуха дверей и забыла запереть, когда ево пускала. Вот ён цюет, што все уснули. Откута́л, откута́л двери потихошеньку и отку́тал. По́ дому тихошенько, тихошенько да на

ципоцьках прошёл. Никто и не цюет. Вот и в сини вышел. В синях дверей много, к которым не подойдёт, все заперты. «Вот теперь-то я и попал! Много дверей, а все заперты! Топерь-то и смерть моя пришла!» Вот ходил, ходил по мосту, искал, искал дверей, наконец нашёл — двери не заперты. Вот ён откутал потихошеньку и вышел опять не на улицу, а на белой двор. Этот белой двор обнесён железным большим цястоколом; каждая цястоколина вострая, никак не перелезть туды и не слезть: высоко оцень. Вот ён стоит и думает: «Вот топерь-то я попал! Топерь смерть моя будет!»

---

Вот стоял, стоял, слушал, слушал, цюет, песни ль поют, плацют ли. Стоит и слушает. Вот слушал, слушал, расслышал, в которой стороне, и пошёл туда, где не то песни поют, не то плацют. Ён расслушивал, расслушивал, подошёл к тому месту; видит — шшит подземельной. Вот ён потрыл этот шшит — там глубокой-глубокой ров, лесенка. Он по лесенке и полез туды. Вот пролез эту лесницу и видит — построена там комнатка небольшая и двери побольше. Вот он откутал двери. Комнатка освещена небольшим светом, небольшая лампатоцька горит. Вот в этой комнатке сидят две девицы и до тово плацют, ужасно как плацют. Вот увидели его и ужахну́лись. «Как ты, доброй молодець, попал сюды?» Вот ён и рассказал — так, мол, и так. Ён их и спросил: «А вы как, красавицы, попали сюды?» Оне стали рассказывать. «Мы — доцери богатых купцёв, а этот купец нас и унёс в ночное время. Вот этот купец занимается разбоем, разбойничают. Никто про них и не знает, што они занимаются этаким разбоем». Вот онна́ и говорит девица: «По мне завтра будут сорочины: отец не знает, где я! Вот скоро шесть недель, как я здесь. Так ты не можешь ли, доброй человек, отсюда как выйти? Как в колокол ударят, так в церковь и войди! Про меня в этой церкви будет отец служить сорочину». — «Так ка́к я отсюдова выйду? Таким цястоколом вострым обнесён двор, я и не знаю, как выйти». Она дала ему большую трубу полотна. «Вот возьми, говорит, вот это полотно! Не можешь ли как за один конец кинуть эту трубу, штобы по полотну влезти?» Вот ён взял этот конец и стал прикидывать туды кверху. Раз не один принималсе кидать, никак не мог докинутсы. Вот потом уже все силы скопил и перекинул через все цястоколины конец одним краем, а другой край у него в руках. Вот ён потяну́л, видит, што одним концём зацепил, и стал перебираться. Вот лез, лез, кое-как и скрепалса и влез на цястокол по этому полотну. Вот опять прицепил концом полотно и перекинул и стал спускаться. И спустился. А эта девица ему показала: «Как позвонят в колокол, ты и иди в церковь и жди, дока служба отойдет, а там подойди к отцю и расскажи про нас обоих!»

Вот ён спустился на пол кое-как. Поманил маленько. Ударили впе́рвое в колокол, он сичас в церковь и пошёл. По этим девушкам был сороковой день. Отец той девушки, которая ему наказывала, служил сороковую. Вот ён в эту церковь сошёл и стоял, дока служба не отошла. Вот служба отошла. Купец выходит из церкви и приглашает купцёв и бояр, и всех к себе, всех приглашает и нишших, и богатых. Вот и этово беннаво целовека

пригласил. «Милости просим к нам на сороцину!» — говорит. Вот все гости скопились, со всево города созвал и бояр, и богатых, и всех. Всякой всячины приготовил. Вот эта девушка, думает купец, и потеряла́сь, сорочины по ней и стал делать. И купця этово с сыновьями тоже созвал: никто не знал, што он разбойник.

Вот сорочины, пожалуй, уж на отходе. Угостил всех гостей хорошо — всех бенных и богатых. Ну, вот гости сидят, говорят: «Теперецька кто бы сказоньку или былицьку рассказал!» А этот и выходит мужицёк, который у этих был девушек: «Вот я про себя расскажу былицьку!» — «Рассказывай, рассказывай!» — «Штоб никому не прерывать — хто прервет, тот сто рублей, а если хто во второй раз — триста рублей!» Ну, вот ён нацял рассказывать. «У нашево отца было три сына. Два брата дома жили, а я на стороне ходил. Потом я воротилсы домой. Отець нас вздумал разделить. Всем сыновья́м дал долю и мне давал, да я не́ взял, только взял сто рублей и отправилсе опять путешествовать. Мне, говорит, отец наказывает: «Пойдёшь дорогой, в сторону не заглядывай! Пойдёшь в город, станут звать куды, туды не ходи, а куды не зовут — иди!» Ну, я и отправилсы. Иду дорогой, а два целовека сидят, читают деньги. Сидят двое, а кладут на три грудки».

---

Вот как это он сказал, а кто сидели и вскрицали: «Гоните ево, бродягу! Всё он врёт!» А ён и говорит: «Вот, слышите, господа, ён перебил!» — «Да, перебил. Давай сто рублей!» Сто рублей и отдали мужицьку. Ну, потом ён опять стал рассказывать: «Я и говорю: «Што вы сидите двое, а на три грудки раскладываете?» А они говорят: «Третья грудка на цясливого». Оне и отвечают: «Вот ты цясливый, подошёл — так обирай деньги!» Я, говорит, взял эту грудку. В грудке сто рублей; положил в карман и отправилсе. Гляжу — немножко попошёл, меня два человека и догоняют, эти же самые опять. — «Стой, говорят, мужик! Давай деньги!» — «Какие вам деньги? Вы сами мне, говорит, дали!» — «Мало што дали! Давай!» Меня разболокли. Свои деньги взяли и мои». А оне слушают да опять и перебили: «Вырядите ево, бродягу — он всё врёт!» Уж господам любопытно, хочется, дослушать сказку. «Господа, они меня опять перебили!» Ну, гости и сдёрнули с них триста рублей. Вот он опять стал рассказывать. «Вот я вошёл в город. Стоит большой дом купецецькой. На крыльце стоит старушка, кличет мне: «Зайди, доброй целовек, хлеба-соли покушать и ноцюешь!» Вот я подумал, подумал, отец говорил: «Не ходи, где станут звать!» А мне исть захотелось; денег нет ни копейки, я и зашёл. Она, говорит, меня — лучше и нельзя — напоила, говорит, и накормила. Потом свела меня в такую комнату: и темно и сыро, и послать-то нечево, и в голову нечево положить. Повецеру приходят сыновья ее с добыцей и муж. (А они сидят и слушают: перебить боле не смеют.) Вот старуха и спрашивает: «Ну, какая севодня добыця?» — «Ничево, сотенок пяток выручили!» Они си́ли, отужинали и спать легли́. Я шарил да шарил, чево в этой комнате есть, нашарил шшиток и подполье; в подполье накладено целый ворох мёртвых тел. Эта-то старуха им за ужином сказала: «У меня ешшо один есть, заперт, может быть,

и с деньгам». Оне тут и сказали: «Топерь не станем колоть, с у́тра уж! Заперт, так покуда никуды не уйдет!» Вот они все полегли, уснули; цюю, крепким сном заснули. Дверей-то старуха и забыла запереть. (А купец с сыновьям сидят и слушают. «Вот мы попали в какой грех!») Вот я потихошеньку-потихошеньку, откута́л да откута́л и отку́тал. По́ дому тихошень-ко прошёл, ништо и не слыхал. До дверей дошёл, потихошеньку отку́тал, ништо тоже не слыхал. В сени вышел. В сенях много дверей нашёл; все двери за́перты. Вот и думаю: «Вот топерь я попал! Мне и смерть топерь будет!» Вот ходил, ходил — нашёл двери, оне не заперты. Двери не на улицу, а на белой двор. Вот я вышел на белой двор и вижу — вокруг двора обнесён железный цястокол, такой высокой, што никак невозможно и выйти; каждая цястоколинка заво́стрена остро́. Вот я слышу, не то плацют, не то песни поют. (Те сидят и догадываются, сичас дело дойдёт до них.) Вот я слушал, слушал, в которой стороне, туды и отправилсе. Дохожу, вижу — шшит на земле. Я этот шшит поднял, а туды лесница. Я опускалсе, опускалсе, лесница долгая, опустилсе до этой лесницы и ощупал двери. Откутал и вышел в комнату. В комнате в этой горит небольшая лампочка и сидят две девицы. Сидят, до того плацют, больно сле́зно. Вот и спрашивают меня: «Как ты, доброй молодец, сюды попал?» Я им все рассказал. Их спросил: «А вы как попали сюда?» Вот она́ девица и отвецает: «Я богатова купца доць!» — «И я тоже богатова купца доць!» (И другой девицы отец здесь сидит.) Вот она́ и говорит: «У моево батюшки завтрашний день будут сорочины! (И потому купец маленько догадалсы, у которова сорочины; со вниманьем все слушают.) Ты, говорит, доброй человек, не можешь ли как отсюда выйти, как в первой колокол ударят?» А я говорю: «Как же я выйду? Железным цястоколом обнесён двор, мне и не выйти!» Вот она девушка дала мне конец полотна. «Возьми этот конец, не можешь ли как ево кинуть через ограду?»

---

Вот я взял этот конец полотна и стал кидать. Кидал, кидал — не докинул. Наконец все силы скопил и закинул конец за цястоколину. Потом я и полез по полотну. (А этот купец и сыновья всё слушают.) Мне, говорит, девушка рассказала на какой улице, под каким номером дом у купца. Вот я кое-как слез. По другую сторону перекинул конец и стал спускаться. Спуститься-то попрошше было, чем подняться! (Этому купцю тошноту́ догоняет, а этим купцям, у которых девицы, радость.) Вот я, говорит, как наказывала мне девица, как в первой колокол ударят, так иди в церковь. Вот всю службу и стоял в церкви. Служба отошла. Этот вот купец стал приглашать на сорочины и меня пригласил. Вот я пришёл. Заставили меня сказку рассказывать, вот я и рассказал».

Вот этот купец и говорит: «Вы мою дочь видели?» — «Стало быть!» И другой купец говорит: «И у меня была доцька. И мою видели?» — «Стало быть!» — «Веди нас к дому!» Никово из дому не упустили. Все гости и пошли смотреть, куды он поведёт. Никово не пустили вперёд. Вот ён прямо к этому дому и привёл. А у нево такая застава, ни у ково такой заставы нет в городе, таково цястокола. Вот этово купца сразу и поймали. «У тебя

украдена наша доць?!» Вот велели в то подполье сводить. Там мёртвые тела лежат. Велели их оттуды вытащить. Вот они оттуды и натаскали — видимо-невидимо набито народа: женщин и мужчин. «Веди в это белой двор!» Купцю деваться не́ куды, надо весь. Приводит к тому самому шшитку; открывает шшиток. И туды слезли. Вывели оттуда этих девушек на белой двор. Эти отци и матери этих девушек обрадовались и плакали. Считали их за уме́рших, а они живы. Этово купця с сыновьям вывели на публику и сейчас на виселицу при всём народе. «Ну, а тебе цто, мужицёк? Што желаешь, то дадим! Ты довёл нас до этово». Ён говорит: «Ницево мне не надо, напойте и накормите меня до смерти!» Ну, так ён от купця к другому только знал, што переходил. Уж и не знали, как только ево накормить! До смерти ён и про́жил у них.

{/numeration} {spoiler title=Примечание}

Записана Б. и Ю. Соколовыми от [Маримьяны Ивановны Медведевой](#) .

Текст сказки приводится по [Сказки и песни Белозерского края. Сборник Б. и Ю. Соколовых: в 2 книгах.&nbsp;&mdash; СПб.: Тропа Троянова, 1999](#)

Состоит из сюжетов:

{/spoiler}